

А.А. Тишкин, С.С. Матренин

**Комплексный анализ роговых пряжек
хуннского и жужанского времени из могильника
Яломан-II (Центральный Алтай)**

A.A. Tishkin, S.S. Matrenin

**Complex Analyze of Horn Buckles Belong to Nomads
of Khunnu and Zhuzhan Time and Excavated
from a Burial Ground Yaloman-II (the Central Altai)**

Исследуются роговые пряжки хуннского и жужанского времени из погребально-поминального комплекса Яломан-II в Центральном Алтае. Проведенный авторами сравнительный анализ данных предметов с известными на сегодняшний день материалами из памятников других регионов Евразии эпохи поздней Древности и раннего Средневековья позволил установить хронологию разных модификаций роговых пряжек булан-кобинской культуры. Выявлено значительное сходство булан-кобинских и тюркских пряжек, которое отражает их генетическую преемственность.

Ключевые слова: Алтай, роговые пряжки, морфологическое описание, комплексный анализ, хуннское время, жужанский период, булан-кобинская культура, хронология, сяньби, тюркская культура.

Пряжки являлись распространенной категорией снаряжения человека и верхового коня в раннем железном веке и Средневековье. Они обнаружены во многих археологических комплексах Евразии. Анализу таких предметов посвящен обширный корпус отечественной литературы, значительная часть которого построена на материалах из памятников так называемого гунно-сарматского времени и раннего Средневековья Центральной Европы, Северного Причерноморья, Поволжья и Кавказа. Сравнительно меньше подобных исследований осуществлено при изучении находок с территории Сибири. Особенно это касается периода с конца I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. Тем не менее определенный опыт рассмотрения пряжек таштыкской культуры Среднего Енисея принадлежит Л.Р. Кызласову, Э.Б. Вадецкой и П.П. Азбелеву, кокзельской культуры Тувы – Н.Н. Николаеву, фоминской культуры Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау – Ю.В. Ширину, булан-кобинской культуры Алтая – С.С. Сорокину, Ю.Т. Мамадакову, Ю.В. Тетерину, А.С. Васютину, В.И. Соенову, А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякову [1–13].

This article includes the result of the research on horn buckles belong to nomads of Khunnu-Zhuzhan time and excavated from burial ground Yaloman-II in the Central Altai. The comparative analysis of the given subjects carried out by the authors together with known today sources obtained from monuments of the other regions of Eurasia belong to epoch of a late antiquity and the early Middle Ages has allowed to establish chronology of different modifications of horn buckles by Bulan-Koby cultures. Results of the complex analysis have confirmed considerable similarity of Bulan-Koby and Turks buckles which reflect their genetic continuity.

Key words: Altai, horn buckles, Khunnu time, complex analyze, morphology description, Zhuzhan epoch, chronology, the Bulan-Koby culture, chronology, Syanbi, Turks culture.

Полученные на сегодняшний день многочисленные археологические источники показывают, что в хуннско-сяньбийско-жужанское время (II в. до н.э. – V в. н.э.) в восточной части Евразии происходили динамичные процессы формирования ремennых гарнитур. Это выражалось в поиске оптимальных вариантов конструктивного решения и декоративного оформления при изготовлении комплектов изделий или отдельных деталей, а также в разнообразных взаимодействиях. Отражением данной ситуации выступает большая вариабельность пряжек, наконечников ремней, блях, блоков и других элементов снаряжения в комплексах указанного периода в самых разных регионах (Северный Китай, Монголия, Саяно-Алтай, Приобье, Кузнецкая котловина, Алтайская лесостепь, Казахстан). На протяжении рассматриваемого периода в Южной Сибири шло становление новых модификаций пряжек, отдельные экземпляры которых затем получили распространение в эпоху Средневековья. Кроме того, фиксируется сохранение пережиточных форм изделий (в том числе скифо-сакского времени), а также появление экспериментальных вариантов

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

под влиянием «моды» в среде кочевых народов и в условиях формирования местных традиций в изготовлении снаряжения человека и лошади. Обозначенные тенденции на материалах булан-кобинской культуры Алтая пока еще не получили полноценного отражения. Важным условием выхода из такой ситуации, на наш взгляд, должно стать введение в научный оборот и в исследовательскую практику всех имеющихся к настоящему моменту предметов снаряжения человека и верхового коня как из хорошо известных, так и недавно изученных памятников II в. до н.э. – V в. н.э.

Предлагаемая статья посвящена публикации, комплексному анализу и предварительной культурно-хронологической интерпретации роговых пряжек, полученных при раскопках курганов на памятнике Яломан-II в центральной части Алтая. Указанный погребально-поминальный комплекс расположен вблизи устья р. Большой Яломан на четвертой надпойменной террасе левого берега Катуня в Онгудайском районе Республики Алтай. Он изучался экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи на протяжении шести полевых сезонов (2001–2003, 2005, 2007, 2008 гг.). В результате на площади памятника раскопаны объекты двух групп подкурганных захоронений. Одна из них относится к усть-эдиганскому (II в. до н.э. – I в. н.э.) этапу булан-кобинской культуры, а другая – к верх-уймонскому (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) [14–19]. Из исследованных объектов происходит большое количество различных изделий (предметы вооружения, украшения, детали костюма, орудия труда, утварь, снаряжение верховых лошадей и др.). Эти материалы уже частично введены в научный оборот. Планируется и полное издание результатов раскопок.

Коллекция найденных роговых пряжек насчитывает 6 экз. разной степени сохранности. Прежде чем перейти к их характеристике, необходимо сделать несколько замечаний относительно общей терминологии, используемой при морфологическом описании пряжек без учета материала, из которого они изготовлены (рог, кость, цветной металл, железо, дерево).

Пряжка – это конструкция, предназначенная для застегивания ремня. В ее состав обязательно входит рамка, фиксатор (подвижный язычок или неподвижный шпенец) и в отдельных случаях щиток [20–25].* **Рамка** – основная часть корпуса пряжки, обычно снабженная отверстием для пропускания свободного конца ремня. Она имеет **дужку** (передний край,

* Важно отметить, что обнаруженные в памятниках Саяно-Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. так называемые безъязычковые пряжки, которые нередко близки по форме и технике изготовления застежкам с фиксатором ремня (т.е. собственно пряжкам), более правильно будет рассматривать в качестве блоков и анализировать их самостоятельно.

под который заводится ремень) и **основание** (задняя часть, к которой присоединяется ремень или щиток). **Щиток** – единое с рамкой или отдельно изготовленное крепление, предназначенное для соединения пряжки с неподвижным концом ремня. Задняя (торцевая) его часть обозначается **окончанием**. Границей между цельно изготовленными рамкой и щитком может выступать **вертлюга** (ось, на которую крепится подвижный язычок), вырезы на боковых сторонах корпуса пряжки, монолитная или прорезная перемычка, отделяющая отверстия для свободного и неподвижного концов ремня. Щиток бывает подвижным или неподвижным (по способу соединения с рамкой), четко выделенным или невыделенным от рамки, имеет разную конструкцию (прорезной, зажимной, накладной, петельчатый) и специфическое оформление. **Неподвижный шпенец** – цельный или вставной фиксатор (игловидной, крючковой, кнопочной или другой формы) свободного конца ремня, расположенный, как правило, на лицевой части дужки в одной плоскости с рамкой либо под углом к ней. **Подвижный язычок** – отдельно изготовленный стержень (из металла или кости), предназначенный для фиксации ремня и закрепленный на основании рамки или вертлюге. Язычок состоит из **петли** (загиб, охватывающий вертлюгу или основание рамки), **основания** (часть язычка, примыкающая к петле) и **кончика** (край язычка, налегающий на дужку).

Рассмотрим теперь роговые пряжки, полученные при раскопках памятника Яломан-II. В настоящее время они хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (колл. №181). В ранней хронологической группе могильника рассматриваемые изделия представлены в трех курганах.

Курган 54. Пряжка входила в состав подпруги и была зафиксирована в проекции грудной клетки лошади (рис. 1.-1). Изделие с игловидным шпеньком на лицевой стороне дужки в одной плоскости с рамкой и неподвижным невыделенным от рамки щитком с отдельной прорезью прямоугольной формы, не соединенной с отверстием для продевания свободного конца ремня. Рамка имеет абрис пятиугольника. Щиток прямоугольной формы укороченных пропорций с ровным окончанием. Общая длина корпуса составляет 8,1 см, толщина 0,7–0,75 см, ширина рамки – 3,8 см, ширина щитка – 3,6 см. Длина шпенька 1,7 см, ширина у дужки 1,3 см. Размеры прорезей для свободного и неподвижного концов ремня соответственно 2,4х0,7 см и 2х0,6 см. Они располагаются симметрично относительно края дужки и окончания щитка на расстоянии 2,7 см одна от другой. Сохранность предмета удовлетворительная.

Курган 60. Пряжка найдена в области живота лошади. По своим параметрам она совершенно идентична предыдущей, но немного отличается размерами

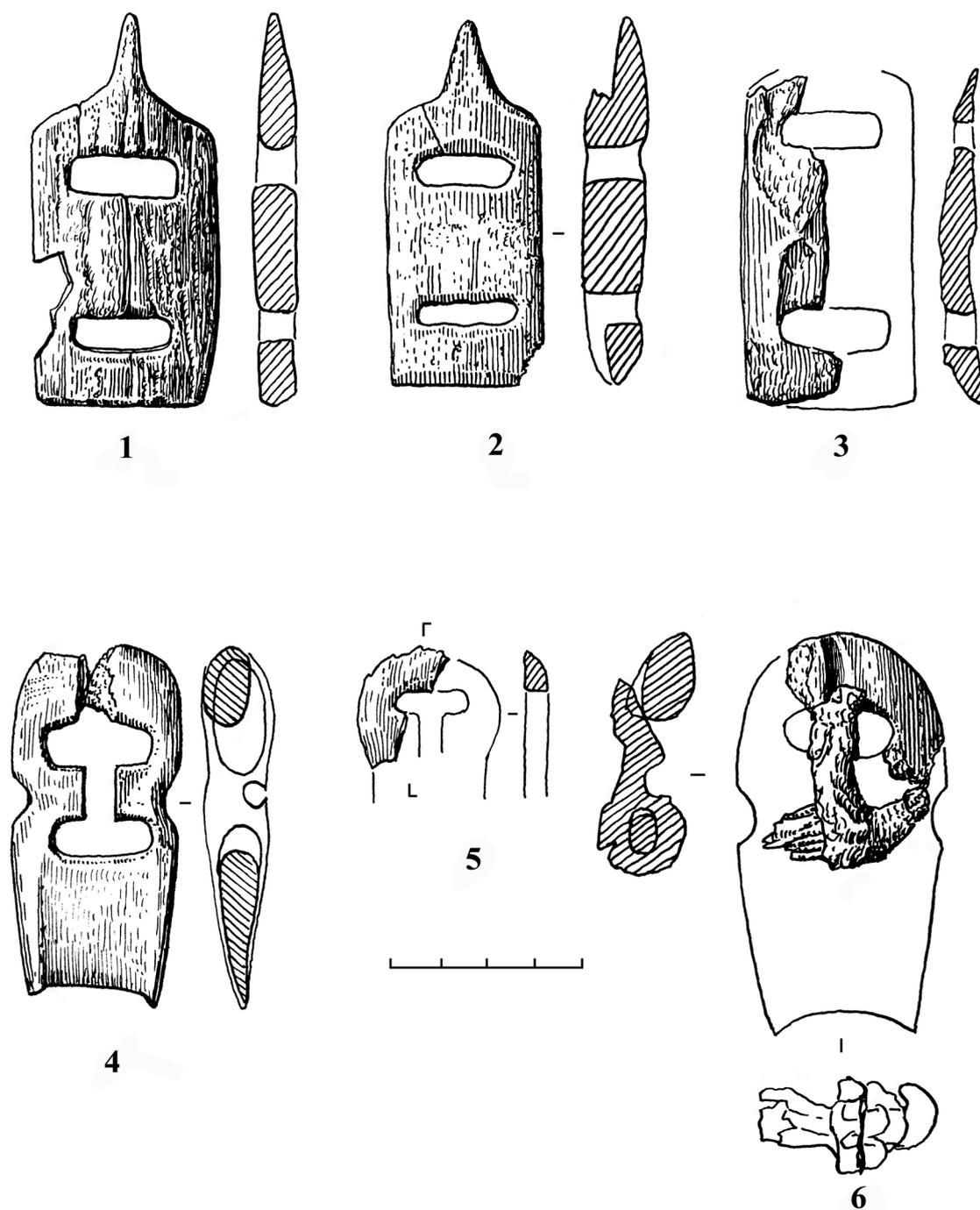

Рис. 1. Роговые пряжки из могильника Яломан-II. 1 – курган 54; 2 – курган 60; 4 – курган 33, могила 2; 5 – курган 33, могила 1; 6 – курган 32

(рис. 1.-2): общая длина 7,6 см, толщина 1,1 см, ширина рамки и щитка – 3,3 см, длина шпенька 1,7 см, ширина у дужки 1 см; параметры прорезей для свободного и неподвижного концов ремня составляют соответственно 2,1х0,7 и 2х0,6 см. Они размещаются симметрично относительно края дужки и окончания щитка на расстоянии 2,3 см одно от другого. На оборотной стороне щитка имеется желобок для ремня глубиной 0,2 см. Сохранность изделия удовлетворительная.

Курган 61. Пряжка обнаружена в районе ног лошади. Сохранилась только часть корпуса длиной 6,8 см, шириной 1,8 см (рис. 1.-3). По конструкции и форме она должна быть аналогична ранее описанным изделиям.

В поздней хронологической группе пряжки найдены в трех погребениях.

Курган 33, могила 2. Пряжка (рис. 1.-4) располагалась вместе с железными удилами на плите

перекрытия каменного ящика в стороне от скелета лошади. Она имела подвижный язычок (отсутствовал), закреплявшийся на вставную металлическую вертлюгу. Неподвижный щиток четко выделен от рамки полукруглыми бортиками на боковых сторонах корпуса. Щиток снабжен прорезью, соединенной с отверстием рамки, предназначенным для свободного конца ремня (так называемая однотавровая прорезь). Форма рамки подовальная. Дужка ровная с желобком для язычка. Щиток трапецевидный, укороченных пропорций со слегка вогнутым окончанием. Общая длина корпуса пряжки 7,2 см: рамка 3,3х3,5 см, щиток 4х3,4 см. Толщина корпуса 0,4–0,9 см. Размеры прорези для свободного конца ремня 2,3х1 см (располагается в 1,75 см от края дужки), для неподвижного конца ремня – 2х0,7 см (расстояние от окончания щитка – 2,9 см). Сохранность предмета удовлетворительная.

Курган 33, могила 1. Пряжка находилась под деревянной полкой седла, помещенного в погребальную камеру. Сохранился небольшой обломок дужки (рис. 1.-5).

Курган 32. Пряжка зафиксирована под ребрами полного скелета лошади. Она представлена фрагментом дужки (толщина 0,9 см) и железным подвижным язычком (длина 3,7 см), закрепленным на железной вертлюге (длина 3,4 см) плохой сохранности. На дужке имеется желобок для язычка глубиной 0,2 см (рис. 1.-6).

В погребальных памятниках Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. пряжки, сделанные из рога, являются малочисленной категорией. Нами известно всего 25 экз. из такого материала. Без учета яломанской коллекции опубликовано 11 изделий (рис. 2). По своему функциональному назначению они связаны в основном с седельной гарнитурой. Правда, отметим редкие случаи применения роговых пряжек с подвижным язычком в качестве поясных застежек (памятники Берель, Дялян). Не претендуя в рамках настоящей статьи на типологическое изучение, проанализируем некоторые сведения относительно географии распространения и хронологии данных предметов в период поздней Древности.

Костяные пряжки как отдельная категория изделий впервые зафиксированы на Алтае в памятниках 2-й половины VI в. до н.э. в комплексе снаряжения верхового коня пазырыкской культуры [32, с. 37–39, рис. 13; 33, с. 12–13, 22–23, рис. 1, фото 7; 34]. В остальных районах Южной и Западной Сибири они появляются позже – с V в. до н.э. В западной части Северной Евразии большинство находок костяных пряжек 2-й половины I тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э. приурочено к лесным и лесостепным территориям Западного Приуралья и Волго-Окского междуречья [35, рис. 16.-1, 2, 4–5; 36, рис. 19; 37, табл. 12.-21–25; 38, табл. V.-1–2, с. 46–47]. Крайне редко они встречаются у кочевников Восточной

Европы в раннесарматское (III–I вв. до н.э.) и гуннское (конец IV–V вв. н.э.) время [39, табл. 71.-51; 40, рис. 3.-8].

Принципиально важные различия конструкции пряжек касаются способа закрепления свободного конца ремня на рамке. Это выражается в существовании двух относительно самостоятельных линий эволюции: пряжки с подвижным язычком и пряжки с неподвижным шпеньком.

Модификации с неподвижным шпеньком являлись единственной разновидностью роговых пряжек в скифо-сакское время. Раньше всего они появляются на Алтае в Пазырыкских курганах 2-й половины VI – 1-й половины V в. до н.э. [41, табл. 41, 51, 55; 42, рис. 81, табл. XXII, XLI, LXV, CIX; 32, с. 37, 39, рис. 13.-2–5, 10–12; 33, рис. 1; 43, с. 115; 44, рис. 9]. Своей конструкцией и формой они лишь отчасти воспроизводят бронзовые подпружные пряжки 2-й половины VIII – 2–3-й четверти VI в. до н.э. На примере материалов пазырыкской культуры можно сделать вывод, что важной тенденцией изменения костяных пряжек во 2-й половине I тыс. до н.э. был переход от «крючковидных» шпеньков, обращенных к основанию рамки и популярных во 2-й половине VI – 1-й половине V в. до н.э., к горизонтальным игольчатым шпенькам в одной плоскости с рамкой (выступающих вперед дужки, иногда загнутых внутрь приемной прорези), которые получили широкое распространение во 2-й половине V–III вв. до н.э. [44, рис. 12]. Данный процесс был растянутым во времени и отмечен «доживанием» отдельных экземпляров с «крючковидными» шпеньками до IV–III вв. до н.э. [32, с. 38–39; 43, с. 115], окончательно исчезнувших в хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.).

Рассматриваемые роговые пряжки булан-кобинской культуры имеют игольчатый шпенец на дужке в одной плоскости с рамкой. Подобное оформление фиксатора ремня представлено в саглынской культуре Тувы в объектах V–III вв. до н.э. [45, табл. 75.-72–73; 46, табл. 27.-2, 32.-18, 50.-5], в каменных и кулайских комплексах Верхнего Приобья в III–II вв. до н.э. и на рубеже эр [47, табл. XXX.-12; 48, с. 457; 49, рис. 114.-7], в быстрианских памятниках в Кузнецкой котловине [50, рис. 14.-2], в саргатской культуре Зауралья и юга Западной Сибири с V в. до н.э. по II–III вв. н.э. [51, с. 77, рис. 18.-98; 52, рис. 6.-1, с. 48–49; 53, рис. 10.-13, 15, с. 125, табл. 4; 54, табл. 124.-17, 44, 59, 67; 55, рис. 50.-20; 56, рис. 52.-7; 57, рис. 54.-8, с. 113, табл. 10], в комплексах хунну Забайкалья и Монголии во II в. до н.э. – I в. н.э. [58, табл. VIII.-16; 59, табл. 106.-42; 60, табл. 182.-4, 5, 9], у сянби степной Даурии во II – начале III вв. н.э. [61], в тесинской культуре Среднего Енисея во II в. до н.э. – начале новой эры [2, рис. 37.-1, с. 243–244; 62, рис. 48.-21, 29, с. 87; 63, рис. 15.-31, 36], в лесных культурах Западного Приуралья в конце II в. до н.э. – начале III в. н.э.

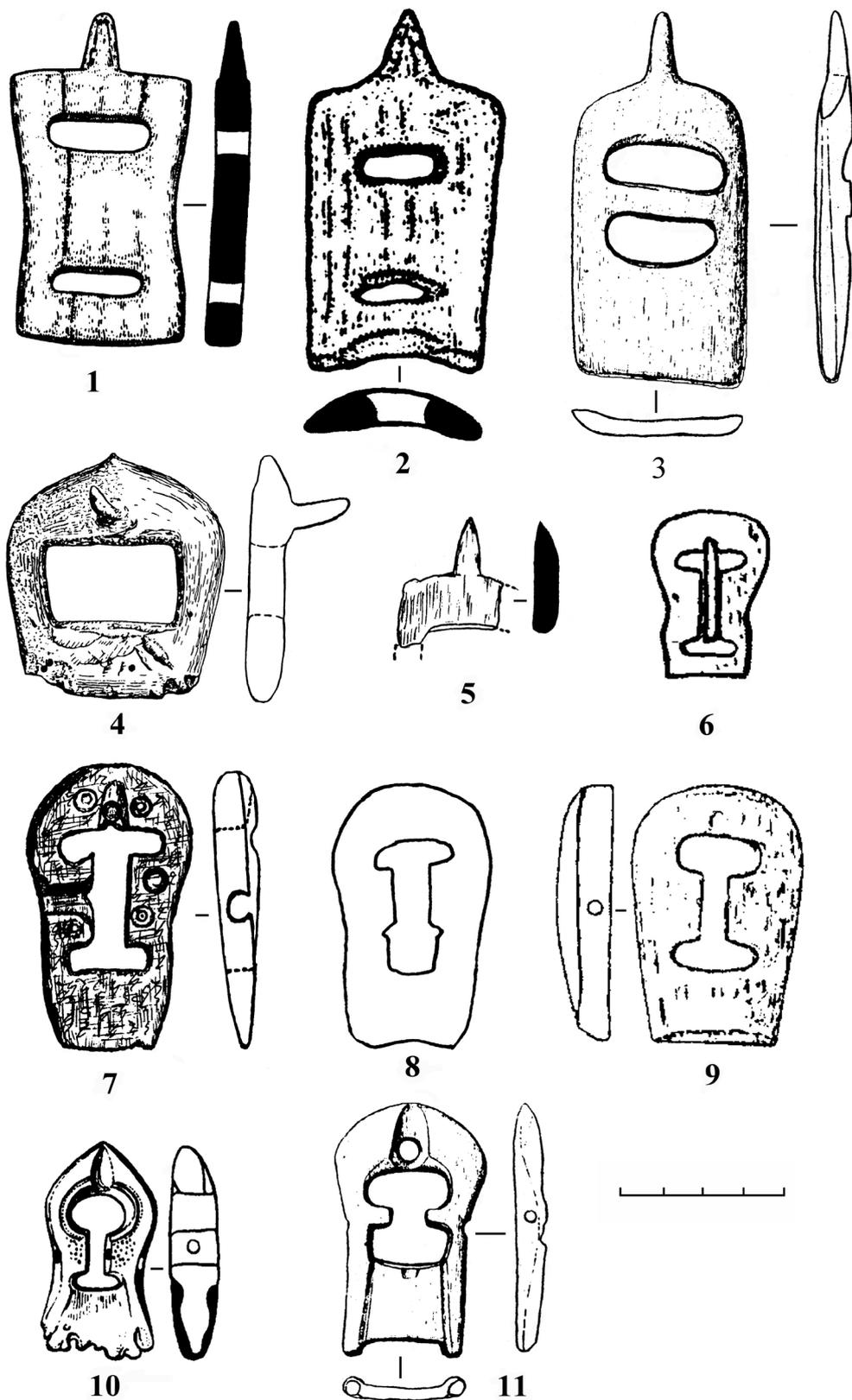

Рис. 2. Некоторые аналогии роговым пряжкам из могильника Яломан-II в материалах булан-кобинской культуры.
 1 – Усть-Эдиган, курган 15 [26]; 2 – Усть-Эдиган, курган 23 [26]; 3 – Булан-Кобы-IV, погребение 33 [8];
 4 – Белый Бом-II, курган 4, погребение 3 [27]; 5 – Сары-Бел, курган 250 [28]; 6 – Берель, курган 2 [29];
 7 – Верх-Уймон, курган 27 [30]; 8 – Дялян, курган 6 [10]; 9 – Берель, курган 3 [29];
 10 – Белый Бом-II, курган 25, погребение 2 [31]; 11 – Белый Бом-II, курган 26 [8]

и Волго-Окского междуречья в конце I тыс. до н.э. – начале новой эры [35, рис. 16.-1, 2, 4–5; 64, табл. IX.-13–14; 36, рис. 19.-16–18; 37, табл. 12.-21–25; 38, табл. V.-1–2, с. 47], в раннесарматских комплексах (III–I вв. до н.э.) Восточной Европы [39, табл. 71.-51]. Судя по приведенным данным, роговые пряжки с неподвижным игольчатым шпеньком применялись в Северной Евразии с V в. до н.э. до II–III вв. н.э. В восточно-европейских степях их исчезновение произошло в то же или более раннее время с выходом из употребления металлических шпеньковых пряжек (I – самое начало II в. н.э.), не известных уже в позднесарматский период (2-я половина II – 3-я четверть IV в. н.э.).

На протяжении всего времени бытования роговых пряжек с игольчатым шпеньком наибольшей популярностью пользовались модели с невыделенным щитком и с отдельной прорезью для неподвижного конца ремня. У горно-алтайских кочевников хуннско-сяньбийско-жузжанского времени такие пряжки происходят из археологических комплексов усть-эдиганского (II в. до н.э. – I в. н.э.) (рис. 2.-1–2) и бело-бомского (II – 1-я половина IV в. н.э.) (рис. 2.-3) этапов булан-кобинской культуры. С учетом всех имеющихся материалов они количественно (5 экз.) «преобладают» в хуннское время. Различия между «ранними» и «поздними» экземплярами на уровне более мелких деталей оформления не фиксируются, что, впрочем, также не прослеживается и на других территориях.

Пряжки анализируемой конструкции из могильника Яломан-II имели рамку пятиугольной («арочной») формы и прямоугольный щиток укороченных пропорций. На уровне данных признаков наиболее близкие аналогии им можно найти в пазырыкских и саглыньских памятниках V–III вв. до н.э. [32, с. 37, рис. 13.-7, 8; 33, рис. 1; 46, табл. 32.-18; 65, табл. LIII.-2, LXXVI.-1]. В эволюционном отношении они продолжали традиции скифо-сакского периода. Период максимально активного использования данных пряжек булан-кобинским населением, надо полагать, приходится на II в. до н.э. – II или самое начало III в. н.э. Вопрос о «доживании» таких экземпляров до более позднего времени наиболее сложен, и он должен решаться только после детального типологического изучения всех предметов инвентаря, обнаруживаемых вместе с ними в закрытых комплексах.

Наиболее ранние известные на сегодняшний день роговые пряжки с подвижным язычком на вставной металлической вертлюге происходят с территории Западного Забайкалья из памятников II–I вв. до н.э., близких и более поздних по времени комплексов степной Даурии, связываемых с археологической культурой хунну [66, с. 77–78, 124, табл. XI.-16, XXIV.-7; 57, табл. 185.-20; 67, табл. 58.-13; 68, с. 255; 61]. Широкое применение таких пряжек в данном регионе, а также в соседних областях Внутренней

Монголии и Маньчжурии связано с культурой сяньби начиная с периода военно-политического господства созданной ими кочевой империи на рубеже I–II вв. н.э. [66, табл. XVI.-23; 68, рис. 7; 69, с. 89, рис. 5; 70]. Костяные пряжки такой технологической схемы сформировались, по-видимому, на основе бронзовых пластинчатых пряжек хунну II–I вв. до н.э. с подвижным язычком на вертлюге, выступающей над рамкой [10, рис. 5; 55, табл. XII.-26; 71, рис. 11.-11, 14; 72, табл. 12.-18; 53.-2; 73, рис. 3.-1–2]**, в результате «заглубления» фиксатора ремня внутрь корпуса пряжки: сначала в желобок с отдельным вырезом для крепления оси, а затем в сквозную «полноценную» прорезь различной формы. Имеющиеся археологические источники, однако, пока не дают однозначного ответа о том, какая именно культурная среда (хуннская или сяньбийская) сыграла определяющую роль в изобретении роговых пряжек описываемой конструкции. В этой связи не следует забывать об активном взаимодействии племен Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Например, ни лишена смысла точка зрения, что сами хунну могли заимствовать такие роговые пряжки у сяньби, будучи в постоянных контактах с ними [68, с. 255].

От сяньби или других центрально-азиатских кочевников единичные экземпляры роговых пряжек с подвижным язычком на вертлюге попадают в Южную и Западную Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, Западное Приуралье и на более отдаленные европейские территории. Они найдены в Абатском-3 курганном могильнике саргатской культуры в Поишимье в погребении II – начала III в. н.э. [55, рис. 42.-3], в Восточном Приуралье в слоях городищ и погребениях, датирующихся не позднее III–IV в. н.э. [74, рис. 96.-7, 8, 9], в мохэских памятниках

** Эта «экспериментальная» модификация металлических пряжек представляет собой, вероятно, один из первых опытов совмещения изобретенного подвижноязычкового крепления ремня со старой традицией производства пластинчатых пряжек (часто с неподвижным прорезным щитком), имевших неподвижный шпенец на дужке. Происхождение таких пряжек у хунну еще предстоит выяснить. Обращаясь к археологическим материалам хунну Забайкалья, стоит указать на следующие моменты. При раскопках Дырэстуйского могильника II–I вв. до н.э. были обнаружены металлические пряжки с подвижным язычком на вертлюге, но не встречено ни одной костяной пряжки с подвижным фиксатором ремня. В синхронном данному памятнику Иволгинском комплексе (некрополь и городище) ситуация обратная: представлены костяные пряжки с подвижным язычком, а пряжки с подвижным язычком на вертлюге отсутствуют. Из Иволгинского городища получена оригинальная костяная пряжка, имеющая неподвижный горизонтально вытянутый шпенец-язычок лопаточковидной формы, расположенный на основании полукруглой рамки [60, табл. 182.-1], что характерно для подвижноязычковых пряжек. Форма приемника как бы подражает уже весьма популярным во II в. до н.э. круглорамчатым пряжкам с подвижным язычком.

IV–V вв. н.э. Среднего Амура [75, табл. XLIII.-6–7; LIV.-1], в Урало-Казахстанских степях в комплексе Канатгас конца IV – 1-й половины V в. н.э. [76, рис. 31.-1]. Имеются указания на присутствие костяной подвижноязычковой пряжки в тесинской культуре в могильнике Тисуль из Ачинско-Мариинской лесостепи [2, с. 147]. Еще более удаленные на запад одиночные находки интересующих нас пряжек обнаружены в азелинских древностях Прикамья IV в. н.э. и в погребении конца IV – 1-й половины V в. н.э. в Крыму [40, рис. 3.-8; 77, табл. XXIII.-14].

Роговые пряжки со щитком, четко выделенным из рамки вырезами на боковых сторонах, появляются уже в хуннуско-сяньбийское время (II в. до н.э. – начало III в. н.э.) в Восточном Забайкалье и Северо-Восточном Китае [68, рис. 7]. Они отличаются относительно небольшой глубиной вырезов, обычно в виде скошенных ступенек-плечиков. Пряжки с глубокими вырезами полукруглой формы распространяются только в раннем средневековье. Особенно они популярны во 2-й половине VII–X вв., хотя встречаются и в более позднее время (XII в.).

Различия роговых подвижноязычковых пряжек по форме прорезей для ремня (соединенные приемное и концевое отверстия – «однотавровая» прорезь; отверстия отделены друг от друга перемычкой – «двухтавровая» прорезь) не имеют хронологического смысла, поскольку в определенной мере обусловлены технологическими приемами изготовления самих предметов. В этом плане следует отметить приблизительно одинаковое количественное соотношение пряжек с разными видами прорезей (в том числе, с тремя обособленными отверстиями для разных концов ремня и оси подвижного язычка) уже у «ранних сяньби» (II – начало III вв. н.э.) [68, рис. 7; 70]. В булан-кобинской культуре пряжки с соединенными приемной и концевой прорезями господствуют (рис. 2.-7–11).

На Алтае роговые пряжки с подвижным язычком впервые появляются в памятниках развитого этапа (II – 1-я половина IV вв. н.э.) булан-кобинской культуры в погребениях, датирующихся по совокупности инвентаря концом III – началом IV вв. н.э. (рис. 2.-10–11). Своим происхождением они восходят к сяньбийской культурной традиции. Наиболее многочисленными такие пряжки становятся у позднебулан-кобинского населения (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.), от которого затем переходят к ранним тюркам (2-я половина V – 1-я половина VI в.) и развиваются вплоть до X–XI вв.

Единственная относительно хорошо сохранившаяся пряжка из могильника Яломан-II (рис. 1.-4) отличается от своих сяньбийских прототипов видом прорезей, более изящным исполнением дужки, боковых сторон рамки и абриса щитка, что свидетельствует о ее более позднем возрасте по сравнению с экземплярами II в. до н.э. – начала III в. н.э. По сочетанию

всех рассмотренных выше признаков данное изделие обнаруживает также аналогии в культуре тюрок Алтая (2-я половина V – 1-я половина VIII вв.), племен сrostкинской культуры Алтайской лесостепи (IX – 1-я половина XI вв.), населения релкинской культуры Томско-Нарымского Приобья (тип 4.1a –VI–IX вв. [22, рис. 2.-5, с. 202; 78, табл. XXI.-8–9, XIX.-20; 79, табл. 27.-97; 80, рис. 48.-20, 21; 81, рис. 28.-7; 82, табл. 89.-5, 111.-2]).

В результате проведенного комплексного анализа коллекции пряжек из могильника Яломан-II можно сделать следующие выводы. У кочевников Алтая в хуннуское и жуужанское время существовали разные модификации роговых пряжек. Населением булан-кобинской культуры продолжали применяться костяные пряжки с игольчатым шпеньком, генетически связанные со снаряжением предшествующего периода. Активное использование этих застежек приходится на II в. до н.э. – II в. н.э., а прекращается, видимо, в III в. н.э., после распространения подвижноязычковых модификаций в роговом исполнении (хотя обе разновидности пряжек употреблялись вплоть до финала булан-кобинской культуры). За продолжительный период своего существования они не претерпели в своем облике каких-либо существенных изменений, обнаруживая довольно стандартные параметры, практически идентичные с экземплярами скифосакского времени, что затрудняет их хронологическую атрибуцию. Костяные пряжки с подвижным язычком в погребениях булан-кобинской культуры датируются в своем большинстве 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. н.э. В эволюционном отношении они являются связующим звеном между пряжками сяньбийской и тюркской традиций. Начальный этап использования подобных пряжек на территории Алтая, скорее всего, приходится на 2-ю половину III в. н.э. или на рубеж III–IV вв. н.э. Наблюдающееся значительное сходство булан-кобинских и тюркских пряжек отражает их генетическую преемственность, обусловленную развитием данных предметов на одной территории под влиянием общего центрально-азиатского импульса кочевой моды в период существования Жуужанского каганата, включавшего в свой состав с 359 по 552 гг. н.э. земли Алтая. Появление роговых пряжек с подвижным язычком в регионах к западу от Урала происходит во 2-й трети I тыс. н.э. и связано с проникновением туда в рамках «Великого переселения народов» групп кочевников, хорошо знакомых с ремесленными гарнитурами «сяньбийского» облика и другими предметами материальной культуры азиатского происхождения (мечи, поясные накладки, крюки с поперечной планкой, твердые седла, ярусные наконечники стрел, некоторые типы украшений). Развернутая классификация и полноценное типологическое изучение всей коллекции роговых пряжек кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. предполагается сделать в отдельной публикации.

Библиографический список

1. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М., 1960.
2. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб., 1999.
3. Азбелев П.П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. II.
4. Азбелев П.П. Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2009. – №1–2 (13–14).
5. Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000.
6. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк, 2003.
7. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1977. – Вып. 18.
8. Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987.
9. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990.
10. Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995.
11. Васютин А.С. Хронология Берели и верхние даты предкудыргинских комплексов Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI.
12. Соенов В.И. Костяные подпружные пряжки гунно-сарматского времени Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск ; СПб., 1998. – Ч. II.
13. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Наборные пояса кочевников Эдигана в сянбийский период // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2004. – Т. X. – Ч. I.
14. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I.
15. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. – Ч. 1.
16. Тишкин А.А. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. – 2006. – №3.
17. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнографии и антропология Евразии. – 2006. – №4.
18. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005.
19. Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007. – Т. XIII. – Ч. I.
20. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. – М., 1979 (САИ. Вып. Е1–2).
21. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М., 1983 (САИ. Вып. Е3–18).
22. Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985.
23. Богачев А.В. Процедура-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). – Самара, 1992.
24. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.). – СПб., 1994.
25. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000.
26. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990.
27. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983.
28. Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – №4. – Горно-Алтайск, 1999.
29. Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. – Л., 1969. – Т. X.
30. Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. – №5. – Горно-Алтайск, 2000.
31. Бороодовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск, 1997.
32. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1988.
33. Марсадалов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998.
34. Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. – СПб., 2006. – №13.
35. Пшеничнюк А.Х. Охлебнинский могильник // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1968. – Т. III.
36. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). – М., 1988.
37. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992.
38. Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. – М., 1974.
39. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степная полоса Европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989.

40. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М., 1995.
41. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953.
42. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л., 1960.
43. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. – Барнаул, 2004.
44. Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологическая концепция и этнокультурная история) : дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006.
45. Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.
46. Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб., 2003.
47. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск, 1994.
48. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII.
49. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул, 2009.
50. Ширин Ю.В. Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. – Вып. 6. – Новокузнецк, 2004.
51. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск, 1988.
52. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Савиновский могильник саргатской культуры. Итоги полевых исследований. – Тюмень, 1991.
53. Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Могильник саргатской культуры Исаковка-III // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991.
54. Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.
55. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск, 1994.
56. Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидорка в Омском Прииртышье. – Новосибирск, 1997.
57. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и железного веков. Древности Ингальской долины: археолого-палеогеографическое исследование. – Новосибирск, 2003. – Вып. 1.
58. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ, 1976.
59. Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.
60. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 1: Иволгинское городище. – СПб., 1995 (Археологические памятники сунну. Вып. 1).
61. Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чита, 2005.
62. Пшеницына М.П. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979.
63. Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988.
64. Генинг В.Ф. История населения Удмурдского Прикамья в пьаноборскую эпоху. Ч. II. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. – II в. н.э. // Вестник археологии Урала (ВАУ). – Вып. 11. – Свердловск; Ижевск, 1971.
65. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987.
66. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск, 1984.
67. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. – СПб., 1996 (Археологические памятники сунну. Вып. 2).
68. Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. – Вып. 4. – Иркутск, 2006.
69. Гришин Ю.С. Памятники бурхотуйской культуры в Восточном Забайкалье // Краткие сообщения института археологии (КСИА). – Вып. 167. – М., 1981.
70. Открытие и исследование сяньбэйских могильников во Внутренней Монголии (Нэй Мэнгу дицюй сяньбэй муцзандэ фасянь юй янцзю). – Пекин, 2004. – XVIII.
71. У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник Даодуньцы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990.
72. Миняев С.С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники сунну. – Вып. 3. – СПб., 1998.
73. Худяков Ю.С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая. – №4. – Горно-Алтайск, 1999.
74. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – М., 1996.
75. Дервянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск, 1975.
76. Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск, 2006.
77. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. – Вып. 5. – Ижевск; Свердловск, 1963.
78. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965.
79. Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.
80. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск, 1990.
81. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск, 1991.
82. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.